

АВТОРСКАЯ МИФОЛОГИЯ Э.КАНЕТТИ (НА МАТЕРИАЛЕ "ЗАМЕТОК")

© Н.Ф.Зиганшина

В данной статье рассматриваются основные мотивы индивидуально-авторской мифологии австрийского писателя Э.Канетти. В первую очередь к ним относятся следующие образы: смерть, власть, масса, Бог, животные и др.

Ключевые слова: мифологичность, индивидуально-авторская мифология, образ смерти.

Австрийский писатель Элиас Канетти (1905-1993), удостоенный Нобелевской премии за роман "Ослепление", на протяжении более пятидесяти лет вел ежедневные записи, которые позднее опубликовал под названием "Заметки" ("Aufzeichnungen") в сборниках "Заметки 1942-1948", "Растраченное до конца почитание. Заметки 1949-1960", "Провинция человека. Заметки 1942-1972", "Тайное сердце часов. Заметки 1973-1985", "Мушинные мухи. Заметки". Остальные сборники появились после смерти писателя: "Дополнения из Хампстеда. Из заметок 1954-1971", "Заметки 1992-1993", "Заметки 1973-1984", "Заметки 1954-1993", "Заметки для Мари-Луизы". Известно, что в настоящее время в архиве писателя в Цюрихе ждут своего часа сотни неопубликованных заметок.

Э.Канетти начал регулярно записывать свои "Заметки" с 1942 года. Как известно, активизация мифа в литературе XX века обусловлена тем, что он оказался наиболее "адекватной формой, которая смогла преодолеть несоответствие между застывшими способами познания и ускоряющимися мировыми процессами [1]. Для Э.Канетти понятие "миф" не ограничивалось преданиями древних народов и ушедших культур, оно было гораздо шире. Помимо интереса к коллективным мифам "Заметки" отличает наличие "индивидуально-авторской мифологии" [2: 138]. Среди всех более или менее известных мифов Э.Канетти ищет тот единственный, еще не придуманный миф мифов, представляющий собой высший принцип в противостоянии смерти и придающий смысл жизни: "Enthalten die Mythen alles, wie ich mir oft gern sage, oder gibt es doch noch etwas, das jenseits von allen Mythen ist? – Gibt es einen neuen Mythos, einen ganz unerhörten, und bin ich dazu da, ihn zu suchen? Oder werde ich kläglich und kümmerlich mit einer bloßen Inventarisierung aller Mythen enden?"¹ [3: 19].

У Э.Канетти отсутствовало стремление создать абсолютно новый миф, важнее было вообрать в свое творчество уже существующие мифы, уловить их сущность, научиться использовать механизм превращения: "Я вскормлен мифами. По временам я пытаюсь ускользнуть от них. Насиловать их – не собираюсь" [3: 305]. Г.Нойманн отмечает уникальность мифов Канетти, состоящую в том, что это "истории без истории, язык без связей, жизненные слова, обладающие силой превращения. Это ... ожившие афоризмы" [4: 197]. Афористичность данных мифов, по его мнению, определяется следующими тремя качествами: рождение из отдельного живого предложения, перевертыши и, безусловно, превращение, которое является центральной категорией поэтики писателя [4: 200]. Сам Э.Канетти признавал, что он лишь приблизился к пониманию сущности механизма превращения: "Я думаю, что мне удалось найти ключ к превращению и вставить его в скважину, но я не повернул ключ. Дверь закрыта, нельзя попасть внутрь. С этим будет еще много хлопот" [5: 251]. Причем для современного писателя, по мнению Э.Канетти, умение быть "хранителем превращений" ("Hüter der Verwandlung") является наиболее необходимым качеством [6: 134].

Фундаментом индивидуальной мифологии писателя является в "Заметках" семантическая однородность некоторых понятий. Современные канеттиведы используют различные термины для обозначения данного явления. С.Кашинский говорит об "основных категориях" ("die Grundkategorien"), вокруг которых Э.Канетти выстраивает свои афористичные высказывания и отмечает, что "структуралисты бы здесь утверждали, что Канетти вербализирует мифы, психоаналитики говорили бы об архетипах" [7: 156]. Ф.Хаас при-

мифов? – Существует ли новый миф, о котором ни разу не слышали, и я здесь для того, чтобы его найти? Или я жалкий и убогий закончу простой инвентаризацией мифов?" (Здесь и далее перевод автора данной статьи – Н.З.).

¹ "Содержат ли мифы в себе все, как я себе часто говорю, или есть еще нечто, что остается за рамками

числяет к так называемым "вступительным, доминирующим и заключительным стержневым словам" ("Stichwörter") следующие: "война, жертва, смерть, мертвые, умирание" и другие известные "темы Канетти": китайская поэзия, животные, огонь, бог [8]. Т.Лаппе вводит понятие "медленные мысли", которые проходят по всей книге как каркас, они упрямы, продолжительны и трудноуловимы, благодаря этому "Заметки" обладают своеобразным композиционным единством [9: 84]. В "медленных мыслях", по мысли исследователя, Э.Канетти проявляет себя как автор, отличающийся креативностью и неутомимостью мышления. Он хочет все обдумать сам, снова и снова задает себе вопросы, возможно, что умение задавать себе эти вопросы и есть ответ на них: "Wie hätte eine Bibel aussehen müssen, dass sie die Selbstvernichtung der Menschheit aufhält?"² [5: 74]. В приложении к своей работе Т.Лаппе приводит список из 36 "медленных мыслей" Э.Канетти, первую десятку занимают лексемы: смерть, слово, Бог, животные, война, власть, писатель, мертвые, любовь, имя [9: 221].

В своих "Заметках" Э.Канетти удалось создать целостный миф о противостоянии неотвратимости смерти. Смерть является центральным образом в авторской мифологии писателя. Так, Е.М.Шастина считает, что "смерть – архетипический мотив, сквозной для всего творчества писателя. <...> Смерть, по Канетти, не есть переход в иной мир, это абсолютный конец. Смерть обладает властью. Канетти стремился избавиться человека от ее власти, ненависть к смерти становится жизненным кредо" [10: 142]. Т.Лаппе сравнивает Канетти со Спартаксом, который, осознавая невозможность преодоления своего рабства у смерти, пытается расширить радиус цепей [9: 161]: "Жить так, будто впереди неограниченно много времени. Свидания, назначенные на сто лет вперед" [11: 268]. Ф.Хаас называет Канетти "экспертом массы, власти и бессмертия" [8], поскольку все эти понятия тесно взаимосвязаны. Власть в представлении писателя основывается на страхе людей перед смертью, а умение пережить других включает в себе обладание властью. Как отмечает исследователь, в стремлении познать власть Э.Канетти даже ставит себя на место Бога, обладающего наивысшей властью: ("Lieber Gott, verzeih mir, dass du nicht auf der Welt bist; ich habe es nicht getan, du hast dich selbst davongeschlichen; es ist dir zuviel geworden, ach, wem nicht; du wolltest Ruhe, ach, wer nicht; du hast es erlebt, wie wenig

man ausrichten kann; wer soll es nach dir versuchen?"³) [12: 14].

Сам Э.Канетти так выразил свое отношение к смерти: "Смерть – это первый и древнейший, так и хочется сказать – единственный факт. <...> Пока существует смерть, ничто прекрасное – не прекрасно, ничто доброе – не добро" [13: 27]. Все, что, по мнению Э.Канетти, способствует смерти, а именно: война, религия, власть, наука, система, возраст, вызывает его непримиримый протест. Э.Канетти отвергает любую из религий, "если они сглаживают или ослабляют жестокость смерти, то есть не-существования-больше" ("Nicht-mehr-Sein") [9: 178]. Писатель отказывается от веры в Бога, хотя это сложнее, так как "Кто не верует в Бога, принимает всю вину за этот мир на себя" [11: 262], его религия заключается в признании жизни и праве на жизнь. Война также становится для него метафорой жестокой, напрасной, необратимой, насильственной смерти миллионов людей: "Он оторвал мне левое ухо. Я отнял у него правый глаз. Он выбил мне четырнадцать зубов. Я зашил ему рот. Он ошпарил мне зад. Я вывернул наизнанку его сердце. Он съел мою печень. Я выпил его кровь: *ВОЙНА*" [14: 132].

Понимая невозможность отмены физиологической смерти по крайней мере на данном этапе развития медицины, Э.Канетти ищет возможности вечной жизни в слове, литературе, музыке, имени, животных, детях, то есть посредством различных "превращений". В одном из своих интервью он объяснил, почему мифы столь важны в противостоянии смерти: "Знаете, у примитивных народов начисто отсутствует представление о естественной смерти. Каждая смерть, которая происходит, совершается под влиянием некоего злого колдовства или каким-нибудь злым человеком. Всегда кто-то виноват в этом и только спустя несколько тысяч лет, отчасти в связи с нашими великими универсальными религиями, смерть признали и примирились с ней. Я вижу истинную задачу моей жизни в том, чтобы вернуть все назад и вредное влияние смерти, которое можно проследить во многих, многих областях нашей жизни, отыскать, назвать по имени, противостоять смерти – итак не убегать, напротив, *безотлагательно и открыто бороться с нею*" [12: 775].

Идея преодоления смерти, продолжения жизни у Э.Канетти развивается в двух направлениях.

² "Как должна выглядеть Библия, чтобы она смогла остановить самоуничтожение человечества?"

³ "Дорогой Бог, прости меня, что тебя нет на свете; не я сделал это, ты сам ускользнул; для тебя слишком, ах, а кому нет; ты хочешь покоя, ах, а кто не хочет; ты это испытал, сколь малого можно добиться; кто должен пытаться сделать это после тебя?"

Во-первых, смерть носит для него характер личного "врага": "...ненавидеть смерть каждого как собственную, заключить мир со всеми, но со смертью никогда" [11: 49]. Во-вторых, борьба за жизнь является не просто исходным пунктом творчества Э.Канетти, она приобретает характер новой религии: "Я хотел бы высказаться по двум проблемам: первая это отношения к смерти. Я верю, она могла бы стать центром новой системы ценностей" [15: 287] и высшей ценностью должна стать жизнь человека: "Не стало больше никакой меры, ни для чего, с тех пор как перестала быть ею человеческая жизнь" [11: 253]. По мнению П.Ангеловой, ненависть к смерти вызывает у Канетти философско-антропологическое и поэтическое неистовство [16: 32] и заставляет искать пути для продолжения жизни.

В творчестве Э.Канетти был период, когда он рассматривал "полное вхождение индивидуума в массу" как возможную победу над смертью [17: 13], то есть "масса" есть метафора освобождения отдельного человека от страха смерти. Такой "массой" для человека может стать его народ, потому для автора вопрос о своей национальной принадлежности был столь мучительным: "Величайшее духовное искушение моей жизни, единственное, с которым мне приходится вести тяжелую борьбу, таково: быть вполне евреем. <...> Отгородиться от русских, потому что существуют евреи, от китайцев, потому что они далеко, от немцев, потому что дьявол обуял их? Разве не могу я и впредь принадлежать ко всем, как и прежде, и все же быть евреем?" [11: 261].

Имя играет важную роль на пути к бессмертию человека, поэтому так важна писателю тайна каждого имени и, в первую очередь, своего: "В буквах собственного имени заключена страшная магическая сила, из них будто составлен весь мир. Мыслим ли мир без имен?" [11: 267]. Имя продолжает "жить" и после смерти личности, его носившей: "V. – Jede Nennung ihres Namens beglückt mich, auch wenn sie mit Beleidigungen gegen mich verbunden ist"⁴ [18: 37].

Язык – это еще один кросскультурный образ, вошедший в личную мифологию Канетти. Писатель критиковал лингвистов, философов и других ученых за сухой, застывший, чрезмерно формализованный язык: "Лингвофилософы, опускающие смерть, будто она нечто "метафизическое". То, однако, что она угодила в метафизический разряд, ничего не изменяет в том, что смерть являет собой древнейший фактум, – более

древний и коренной, чем всякий язык" [11: 307]. Э.Канетти воспринимает язык как неуловимую мифическую действительность, в основе которой лежит превращение: "Экзотичность слова "Атем", будто оно из другого языка. В нем есть нечто египетское и нечто индийское, но еще сильнее в нем отзвук некоего праязыка. Найти в немецком слова с отголосками праязыка. Первое: Атем" [11: 357].

Вера Э.Канетти в силу слова один из важнейших мифов писателя. Вечная истина, что словом можно убить человека, становится для него абсолют: "Das Wort Genozid muß abgeschafft werden. Es ist das gefährlichste Wort geworden. Es ist das *verlockendste* Wort. Alles, was je zum Tod gedient hat, jedes Wort, jede Meinung, jede Überzeugung kehrt wieder. Das ist die *einzig* Ewige Wiederkehr"⁵ [18: 40]. Писатель придавал значение каждому слову: "Ungeheuerlichster aller Sätze: es ist jemand "rechtzeitig" gestorben"⁶ [5: 70]. Уникальность профессии писателя он видел в том, что она может подарить бессмертие не только самому автору, но и людям из его окружения, которые в виде литературных персонажей входят в его сочинения.

1. *Wieprecht-Roth S.* Die Freiheit in der Zeit ist die Überwindung des Todes Überleben in der Welt und im unsterblichen Werk. Eine Annäherung an Elias Canetti. – Könighausen&Neumann, 2003. – 238 s.
2. *Хализев В.Е.* Теория литературы: учеб. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.
3. *Canetti E.* Nachträge aus Hampstead. Aus den Aufzeichnungen 1954-1971. – München, 1994. – 207 s.
4. *Neumann G.* Widerrufe des Sündenfalls. Beobachtungen zu Elias Canettis Aphoristik // Hüter der Verwandlung. Beiträge zum Werk von Elias Canetti. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1988. – S.182-204.
5. *Canetti E.* Die Provinz des Menschen // Aufzeichnungen 1942-1985. – München: Carl Hanser Verlag, 1999. – S.11-367.
6. *Канетти Э.* Призвание поэта // Человек нашего столетия / сост. и авт. предисл. Н.С.Павлова; коммент. Р.Г.Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С.130-140.
7. *Kaszynski S.H.* Im Labor der Gedanken. Zur Poetik der "Aufzeichnungen" von Elias Canetti // Elias Ca-

⁴ "V. – Каждое упоминание ее имени делает меня счастливым, даже если это связано с обвинениями против меня".

⁵ "Слово геноцид должно быть отменено. Оно стало самым опасным словом. Стало самым *заманчивым* словом, все, что когда-либо служило убийству, каждое слово, каждое мнение, каждое убеждение возвращается снова. Это *единственное* Вечное возвращение".

⁶ "Ужаснейшее из всех предложений: Кто-то умер "вовремя"".

- nettis Antropologie und Poetik. – (Hrsg.) München. Wien: Carl Hanser Verlag, 1984. – S.151-162.
8. *Haas F.* Der Ruhmprüfer und sein Welterfolg // *Neue Züricher Zeitung*. – 23 Juli 2005. – Ressort Literatur und Kunst.
9. *Lappe Th.* Elias Canettis "Aufzeichnungen 1942-1985": Modell und Dialog als Konstituenten einer programmatischen Utopie. – Aachen: Alano-Verl., 1989. – 249 s.
10. *Шастина Е.М.* Творчество Элиаса Канетти: проблемы поэтики. – Казань: ФЭн, 2004. – 288 с.
11. *Канетти Э.* Заметки 1942-1972 // Человек нашего столетия / сост. и авт. предисл. Н.С.Павлова; коммент. Р.Г. Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С.250-309.
12. *Hanuschek S.* Elias Canetti. Biographie. – München: Carl Hanser Verlag, 2005. – 799 s.
13. *Канетти Э.* Герман Брох // Человек нашего столетия / сост. и авт. предисл. Н.С.Павлова; коммент. Р.Г.Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С.22-34.
14. *Затонский Д.* Нобелевская премия полвека спустя. (Штрихи к портрету Э.Канетти) // Иностран. лит. – 1989. – №7. – С.220-230.
15. *Suchy V.* Exil in Permanenz: E. Canetti und der unbedingte Primat des Lebens // *Die deutsche Exilliteratur 1933-1945*. – Hg. Von Manfred Durzak. Stuttgart, 1973. – 287 s.
16. *Angelova P.* Elias Canetti. Spuren zum mythischen Denken. – Paul Zsolnay Verlag, 2005. – 317 s.
17. *Fischer E.* Bemerkungen zu Elias Canettis "Masse und Macht" // *Literatur und Kritik*. – 1966. – Oktober. – Heft 7. – S.12-20.
18. *Canetti E.* Aufzeichnungen 1992-1993. – München: Carl Hanser Verlag, 1996. – 99 s.

AUTHOR'S MYTHOLOGY OF E.CANETTI (ON THE EXAMPLE OF AUFZEICHNUNGEN)

N.F.Ziganshina

The article deals with the basic motives of the individual mythology of the Austrian writer E.Canetti. They include the images of death, power, crowd, God, animals and others.

Key words: Elias Canetti, mythological, author's individual mythology, image of death.

* * * * *

Зиганшина Найля Фанизовна – аспирант кафедры немецкой филологии Елабужского государственного педагогического университета.

E-mail: neilja@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.10.2010